

ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ (Современный контекст)

Исходная методологическая позиция в рассмотрении общества состоит в определенном ответе на вопрос о том, может или не может общество (человек как вид) в принципе полностью обеспечить себя необходимыми ресурсами жизни, то есть обеспечить полное выживание всех своих членов, подразумевая под полным выживанием принципиальную возможность для каждого отдельно взятого индивида прожить всю жизнь, продолжительность которой определяется его естественными особенностями и достижениями цивилизации. Это главная теоретическая альтернатива в объяснении законов общественного бытия, а именно – может или не может человечество обеспечить в процессе материального производства всеобщее благополучие, то есть (в простом витальном измерении) накормить, обути и одеть всех жителей Земли? Либо «да», либо «нет» – именно тут находится ключ к пониманию человеческого способа жизни. В зависимости от ответа мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможны принципиально разные социально-теоретические модели общества.

Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна бóльшая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, масса сохраненной жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов не могла обеспечить его всеобщего выживания, понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

Поскольку эффективность труда изначально имеет отрицательное значение, постольку для осуществления процесса производства недостаточно покорения сил природы, необходимо еще покорение сил другого человека, превращение его всего лишь в говорящее орудие. Главное социальное отношение господства и подчинения, бытие людей в отношениях друг с другом в качестве цели и средства составляет столь же необходимое условие осуществления материального производства, как и техника, – это две равноправные и неразрывно связанные стороны процесса производства. Данное отношение “цели и средства” само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы. Что касается социальных

революций, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

Никогда не прекращающаяся борьба за выживание, порождаемая и воспроизводимая всеобщим непреодолимым дефицитом ресурсов жизни, насквозь пронизывает общество в виде перепадов уровней жизни от богатства до нищеты и в совокупности образует постоянную напряженность общества, определенное социальное давление. Это понятие методологически работает как в аспекте существования индивида, подверженного давлению со стороны социальной среды, аналогичному давлению какой-либо материально-предметной среды (например, воды, газа, магнитного поля), но с тем отличием, что от социальной среды невозможно изолироваться (гарантированно защитить карман, квартиру, зарплату, информацию, жизнь, свободу, честь и т.д.), т.е. от социального давления нигде нельзя укрыться; так и в аспекте существования общности, уровень социального давления в которой характеризует ее состояние, степень устойчивости (социальное здоровье). Повышенное социальное давление говорит о состоянии общественного кризиса.

Социальное отношение «цель – средство» превращает просто живое существо в человека и определяет все коллизии человеческого существования с точки зрения его социального бытия. Это отношение обуславливает принципиальную незавершенность человеческой истории и ненасыщаемость сферы материально-предметного бытия человека. Не имеющий логического предела самовозбуждающийся процесс материально-технического развития происходит как гонка, борьба за выживание и одновременно как всеобщее стремление к преодолению техносоциальной формулы общества, подобное стремлению к реализации принципа вечного двигателя.

Рост общественного богатства происходит по схеме построения печально известной финансовой пирамиды, поддерживаемой увеличивающимся притоком новых вкладчиков, то есть за счет расширения такого же притока дополнительной рабочей силы на основе расширенного воспроизводства народонаселения. Однако, в отличие от абсолютной предельности размера пирамиды в соответствии с числом потенциальных вкладчиков, рост общественного богатства не имеет какого-либо достоверно установленного предела в силу отсутствия достоверно установленных пределов ресурсного потенциала природы.

История управления обществом демонстрирует неуклонное движение от субъективистского произвола к признанию объективной обусловленности социального бытия и ограничению социального действия рамками объективно-возможного. Высшим уровнем признания этой объективности является осознание техносоциальной формулы общества. Оно не ведет к всеобщему отказу от условностей общественной нормативности и открытому провозглашению войны всех против всех. В сфере социального управления осознание формулы выражается в овладении методологией построения

целостных моделей общества, на уровне индивидуально-массовой жизни оно сводится к установлению рационально-эгоистической расчетливости в ее организации. Но в доведенном до логического конца виде, в абстракции, осознание формулы предстает как полная рационализация, очищение от каких бы то ни было мифов абсолютной свободы воли к жизни. Реализация такой абстракции неизбежно привела бы к социальной катастрофе.

Техносоциальная формула включает в себе всеобщее общественное противоречие (или является его основанием), которое состоит в том, что самоутверждение человека, как человека, выражающееся в превращении природы в средство своего существования, одновременно содержит в себе и его самоуничтожение, относительно выражающееся в превращении одних людей в средство существования других, и абсолютно – в тенденции к полному самоуничтожению по логике необратимого разрушения природы и беспредельного нарастания разрушительной мощи оружия. Управление обществом в конечном счете сводится к управлению системой социальной дифференциации: именно она задает структуру целевого потребительского комплекса, а через него и всей материально-технической системы, выступая тем самым в качестве движущей силы материально-технического развития.

Сущность централизма в том, что существование общества (общности) выше существования индивидов. Целое, в данном случае социальное, больше суммы составляющих его частей, – вот объективное основание централизма. Данное положение не означает признания наличия общества как такового, самого по себе, как отдельного субъекта, представленного, например, в лице государства. В обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, но эта совместность является необходимым условием их существования, а не внешней заданной неизбежностью общего пространства или общего порядка.

Централизм обеспечивает верховенство общего интереса над частным, т.е. существование общности как целого. Формы властной организации исторически многообразны, будь то личная власть вождя, монарха, президента, диктатора или парламента. В этом смысле централизму нет альтернативы, и все различия между социализмом и капитализмом представляют собой нечто вторичное. Соответственно, капиталистическое общество в США является не менее централистским образованием, чем был социалистический СССР. Весь вопрос в масштабах централизации, степени охвата ею разных сфер общественной жизни, глубине проникновения в них. Все это определяется особенностями геоисторической формулы общности, а в условиях глобализации, в первую очередь, – характером ее вхождения в систему мирового взаимодействия.

Предельно возможная всеобщая централизация приводит к так называемому тоталитаризму, рассмотрение и оценка которого вне конкретно-исторических обстоятельств не имеет смысла. Не поддается централизм однозначному определению и в плоскости оппозиции категорий демократии и диктатуры. В конечном счете, все измеряется объемом ее общественно значимого наполнения, степенью направленности на выражение общественного интереса. В зависимости от соотношения частного и

общественного в централизме он может быть как разрушительным, так и созидательным (конструктивным и деконструктивным) механизмом общественной организации. Как правило, борьба против централизма оборачивается борьбой против самой общности, в результате чего последняя, освободившись от централизма внутри себя, попадает в жесткую централистскую систему международных отношений. При этом отдельные члены общности становятся независимыми от нее и получают полную свободу действий, обретают статус граждан мира, способных в защите своих интересов противостоять общности в целом. В лидирующих общностях, казалось бы, неограниченно либеральных, такое противопоставление частного общественному жестко пресекается. В России, с ее чрезвычайно дифференцированной по экономическим возможностям и условиям жизни территорией, сочетание политического централизма и экономического либерализма весьма проблематично, а сквозной либерализм просто несовместим с ее общностной целостностью.

Управление функционированием и развитием всеобщей целостности (общностью в целом) принципиально не может быть осуществлено сугубо централизованно. Централизованное управление целостностью устанавливает жесткую фиксированность ее структуры, но в общественной целостности объединены люди, наделенные суверенным сознанием, обладающие свободой воли и поведения. Чем выше уровень их развития, тем сильнее внутреннее противоречие социальной организации – между централизованным и самостоятельным управлением, где последнее относится и к отдельным индивидам. Это противоречие, в конечном счете, выражает межличностные отношения, и центр управления есть лишь орудие организации общественной жизни в соответствии с интересами определенных социальных групп и слоев.

Следовательно, централизм объективно не может достичь целей, во имя которых провозглашается. Функционирование и развитие общественной системы оказывается подчиненным единой воле, элементы системы связываются в целое этой волей, и системы фактически нет, без действия воли она сразу же рассыпается. Поэтому централизм отвергается не потому, что он ограничивает свободу как самоцель, но как условие выживания. Централизм сам по себе не деформирует материально-техническую целостность, и уровень компетентности вождей или степень управленческой мобильности бюрократической системы здесь не главное.

Исходя из техносоциальной формулы общества, коллективизм, как основополагающий принцип организации производственной жизни, теоретически абсурден, поскольку провозглашает равенство в сфере, где движущей силой является социальная дифференциация, а организующим началом насилие; следовательно, практически он разрушителен и нежизнеспособен, так как формально устраняет это действенное начало и подменяет его фикцией централизованного управления, якобы объективно выражающего единство всеобщих интересов, а фактически ведет к засилию

бюрократической элиты, не способной обеспечить устойчивое функционирование и развитие общности.

Взаимное противопоставление централизма и либерализма на том основании, что централизм за счет сознательной планомерности преодолевает разрушительное действие стихийности, а либерализм обеспечивает недоступную для централизма свободу, по своей социальной сути является мнимым противопоставлением. Во-первых, они одинаково порождают стихийность, но с тою разницей, что либерализм заключает в себе стихию массового действия, а централизм – стихию единоличного произвола на всех уровнях управления. Во-вторых, они одинаково не обеспечивают всеобщей свободы, различаясь лишь по форме ее ограничения в разных системах социальной дифференциации. Реальное эффективное управление необходимо включает в себя элементы централизма и либерализма, но не как “среднее арифметическое”, а будучи свободным от их крайних значений.

Централизм, как и либерализм, – всего лишь средство сохранения, фиксирования определенной формы социальной дифференциации. К тому же историческая практика показала, что социальная структура общества в персонифицированном плане характеризуется значительной преемственностью. Можно предположить, что централизм характерен для переломных исторических моментов, при коренной смене системы социальной дифференциации; либерализм типичен для ее эволюционного развития. В своем крайнем выражении они одинаково ведут к ослаблению жизнеспособности общественного организма и одинаково неприемлемы в качестве средства его долговременного развития, ибо если централизм есть “дорога к рабству”, то либерализм – это путь хаоса и стихии.

Централизм необходимо ведет к авторитарному тоталитаризму, но и либерализм, доведенный до крайности, порождает условия для установления диктатуры. Только централизм начинается с установления «порядка» и кончается распадом, а либерализм начинается с анархии и кончается установлением такого же порядка, – типичный случай схождения крайностей. В кризисных условиях централизм и либерализм конвергируют, одинаково смещаясь к какой-либо разновидности фашизма с его главным лозунгом – идеей исключительности, провозглашаемой применительно к внутренней или внешней социальной дифференциации общности. Централизм и либерализм, воплощенные в реальных системах управления, постоянно испытывают потребность в некоторых условиях, обеспечиваемых противоположной системой. Так, централизм всегда апеллировал к сознательности членов управляемой общности, их дисциплинированности, инициативности и т.д. В свою очередь, либерализм постоянно обращает взоры к государству, ожидая от него неких бесконфликтных законов, позволяющих всем обогащаться, не затрагивая ничьих интересов.

Централизм и либерализм, диктатуру и демократию нельзя рассматривать абстрактно, вне связи с конкретно-исторической формулой общности. В лидирующих (богатых) общностях существует диктатура

закона, а не личностей. Свобода не зависящих друг от друга людей есть норма и ценность, поскольку свобода здесь не может быть орудием для превращения одних в средство других, диктатура личности здесь просто абсурдна. Наоборот, в отсталых (бедных) общностях свобода становится именно орудием, условием для превращения одних в средство других. Здесь устанавливается диктатура не закона, не формального равенства, а диктатура идеи справедливости, которую реализует личность. Социальная дифференциация тут будет глубже, но она регулируется. Конкретное соотношение централизма и либерализма, в конечном счете, определяется местом общности среди других общностей.

Таким образом, не следует подходить к диктатуре и демократии как самостоятельным, абсолютным ценностям со знаком плюс или минус. Есть просто разные формы организации общества, но содержание социальной организации постоянно: всегда действует техносоциальная формула общества, всегда остается фундаментальным социальным отношением отношение “цель – средство”, никогда не прекращается борьба за выживание. Весь вопрос в том, как это реализуется во внутренних и внешних отношениях общности. Декларация государственников провозглашает, что если все будут исправно выполнять свои обязанности и жить в соответствии с нормами морали (не воровать и т.д.), то жизнедеятельность общности будет эффективной. Но дело заключается в сути обязанностей. В соответствии с техносоциальной формулой права и обязанности в обществе прописываются господствующими социальными группами. В отношениях между общностями диктатура и демократия сливаются воедино: отношения демократии (свободы) устанавливаются силой. В итоге сильные общности делают то, что они хотят, а слабые – то, что их заставят.

Централизм и либерализм в равной мере опираются на утопическую абсолютистскую модель неограниченного прогресса, позволяющего решить проблему всеобщей обеспеченности средствами жизни, но при условии создания определенной социальной системы, – в этом пункте они взаимно отрицают друг друга. Тем не менее абсолютистская модель позволяет реализовать в равной мере и централистскую, и либералистскую схему, одинаково утопические. Утопия централизма – добродетельный, просвещенный авторитаризм, утопия либерализма – всеобщее соблюдение правил игры. В сознании либерального общества доминирует идеология, централизм выводит на первый план общественную психологию.

Противопоставление централизма и либерализма имеет вполне определенный рациональный смысл только в границах действия техносоциальной формулы. Вне ее дискуссия сторонников централизма и либерализма имеет сугубо абстрактный характер и не может быть признана научной. В силу отсутствия эмпирической базы, – это просто схоластика, выполняющая функцию идеологического обоснования практической борьбы частных интересов. Не менее абстрактны и попытки противопоставления свободы и справедливости как принципов общественного устройства. Таким же образом противопоставляются справедливость и эффективность.

Каждая общность в соответствии с ее геоисторической формулой характеризуется своей мерой централизма, обусловленного наличием общественно необходимых затратных элементов (армия, образование, здравоохранение, культура и т.п.), на почве совместного содержания которых не возникает антагонистических противоречий, связанных с уравниловкой или просто убыточностью. Действительное управление обществом всегда осуществляется где-то в промежутке между крайностями тотального централизма и абсолютного либерализма, больше или меньше склоняясь в ту или иную сторону в зависимости от конкретно-исторических условий. В той и другой системе своя форма социальной дифференциации, свои слои, постоянно борющиеся за государство; и абсолютизировать разницу между этими системами не имеет смысла. При гипотетическом допущении возможности преодолеть естественно-природные ограничения материально-технического развития всякие различия между централизмом и либерализмом исчезнут, как, впрочем, исчезнут и движущие силы материально-технического развития.

Государственное управление не может не быть централизованным, но дело не в централизованности самой по себе, а в способе управления. Одно дело, когда государство выступает как единоличный собственник и управляет директивно-распределительными методами, и совсем другое, когда оно регулирует общественную жизнь с помощью законов, налогов, заказов и других политических и экономических методов. Конечно, всегда будет борьба за овладение государством в качестве орудия достижения чьих-то групповых и личных целей, но государство будет тем сильнее, чем в большей мере окажется способным отражать интересы всей общности. А критерий здесь один – выживание. Централизм всегда отождествляется с самовластием государства, которое подминает под себя общество. Но такое «ничейное» государство никому внутри общности не угрожает и таких государств просто не существует. Централизм так или иначе объективно связан с властью одних групп людей над другими, и лишь поэтому против него всегда кто-то выступает. Следовательно, понятие сильного государства неотделимо от понятия сильной общности; если в системе мировой социальной дифференциации общность является подчиненной, то ее государство может быть в какой угодно степени диктаторским и заставляющим трепетать своих подданных, но оно никогда не будет сильным. Соответственно, функционирование командно-административной системы будет эффективным, если оно обеспечит подпитку общности из внешних источников. Однако последнее достигается экономическим путем, а это требует либерализма (иначе не выдержать конкуренции). В итоге получается, что в передовых общностях складывается устойчивое единство либерализма и сильнейшей бюрократии. В отсталых, подчиненных общностях преобладает централизм диктаторского типа, обеспечивающий демократизм политики открытых дверей.

Таким образом, современное (гражданское) общество имеет две тенденции развития, содержит в себе две основные модели – централизм и

либерализм. Возможности роста, технического прогресса толкают к либерализму; невозможность всеобщего обеспечения средствами жизни, отбраковывание человеческого материала, осознание неравенства толкает к централизму. Преобладание черт той или иной модели определяется положением общности среди других общностей: либерализм – в господствующих общностях, централизм – в подчиненных. Нет хороших и плохих социальных устройств, есть сильные и слабые общности.

Соответственно, теоретическое противостояние данных концепций есть в конечном счете форма идеологической борьбы, отражающей интересы определенных социальных сил в реальной экономической и социально-политической борьбе за более приемлемую структуру системы социальной дифференциации общества. Понятия истинности и ложности в контексте их общечеловеческого признания здесь просто не работают.

Полемика централиста и либерала теоретически бесплодна, поскольку с той и другой стороны она сводится только к обличительной критике, отбрасыванию позиции оппонента. Тот и другой в своей критике всегда будут правы: либерализм без элементов централизма ведет к хаосу, а всеобщий централизм – к злоупотреблениям власти и застою. В силу объективной противоречивости социальной жизни исторический спор либерализма и централизма абстрактно-теоретически не рассудить. Реальна только борьба конкретных людей, объединенных в конкретные группы, – этнические, сословные, корпоративные, религиозные, партийные.

Противоположность централизма и либерализма относительна в том смысле, что они различаются не по отсутствию в одном случае и наличию в другом случае социальной дифференциации в обществе, а по механизму ее регулирования. Централизм предполагает приоритет власти по отношению к собственности, тогда как либерализм означает приоритет собственности по отношению к власти. Но в конечном счете власть и собственность не существуют раздельно и в своем единстве представляют собой господство одних людей над другими. Иначе говоря, сами по себе централизм и либерализм не являются ни добром, ни злом. Их оценка зависит от конкретных параметров геоисторической формулы общности, прежде всего от характера и соотношения ее внутренней и внешней социальной дифференциации. В абстракции до конца выдержанный, крайний либерализм предполагает войну всех против всех, в которой не может быть единых правил, ставящих всех участников войны в равные условия, государство здесь просто излишне. Централизм, напротив, предполагает власть государства над всеми. Однако в действительности в том и другом случае государство является орудием осуществления власти одних людей над другими.

Дискуссия о регулирующей роли государства в функционировании и развитии общности, строго говоря, не имеет под собой объективных оснований, если под общностью понимается управляемая система, а не простое скопление людей, требующее лишь единообразия правил поведения во избежание стихии беспорядка. Именно государство управляет общностью

как целостной системой, обеспечивает ее необходимую организацию для сохранения устойчивой жизнеспособности в процессе внутреннего и внешнего взаимодействия. Используемый противниками государственного регулирования в экономике тезис о недопустимости вмешательства государства в распределение между гражданами шнурков для ботинок свидетельствует либо о непонимании сущности государства, либо об идеологической диверсии, направленной против одной общности в интересах другой.

Таким образом, модель общественного устройства, как единая общепринимаемая система нормативов (правил игры), невозможна по техносоциальной формуле. Складывание совокупности совместно живущих людей в целостную систему общества обеспечивается не единым стремлением к созданию такой системы, а борьбой за место в ней, борьбой по определенным основаниям, вытекающим из определенности человеческого существования. По той же причине оказывается невозможной всеобщая толерантность, она достижима лишь в ограниченном виде в областях (сферах) жизни, частично перекрывающих общество и не связанных с всеобщими интересами.

Человеческий способ жизни базируется на управлении, сущность которого составляет организующее насилие. Управление необходимо там, где имеется дефицит ресурсов, оно предполагает постоянное принятие решений, составляющих организационную основу общественной жизни, ее главное содержание. Вне сферы действия техносоциальной формулы нет решений, ибо сущность решения состоит в выборе, определении приоритета – кто и в каком качестве остается в жизненном пространстве, а кто выбывает? Т.е., принятие решения есть определенное решение техносоциальной формулы, наполнение ее конкретным содержанием. Управление – это всегда принуждение, оно соткано из решений, в основе которых лежит выбор приоритетов в ходе регулирования социальной дифференциации как внутри управляемой системы, так и в ее взаимодействии с другими системами.

В основе управленческих решений лежат интерес и объяснительная модель окружающего мира. Интерес может быть в большей или меньшей степени осознанным, рационально или иррационально выраженным, а объяснительная модель окружающего мира – мифологической или научной. Соответственно, управленческие решения могут быть адекватными или иллюзорными, утопическими. Но в любом случае субъективность управления имеет объективное основание – борьбу за выживание. В этом смысле становится понятным афоризм о том, что в политическом управлении ошибка хуже преступления. Еще точнее можно сказать, что управление не может быть истинным или ложным, оно либо выигрышное, либо проигрышное. Успех в управлении одной системой предполагает поражение управления другой системой.

Политика в свете техносоциальной формулы общества лишается своей таинственности и запутанности, становится прозрачной для понимания. В

частности, обретают свой рациональный смысл тезисы о свободе политики от морали, о вседозволенности средств в получении результатов. Из скандального характера выборных кампаний с их особыми технологиями в виде “черного пиара”, вбрасывания компромата, подкупа избирателей, заказных убийств и т.п. следует, что борьба за власть – это борьба не за идею и всеобщее благо, а за частный интерес, столкновение людей здесь – это не столкновение идей, а столкновение интересов. Революционная борьба – по сути та же самая, но с качественно измененным составом участников.

Сущностное понимание управления необходимо предполагает вычленение и анализ двух свойственных ему фундаментальных моментов:

1. Спонтанная самоорганизация человеческой (общественной) жизнедеятельности принципиально невозможна по техносоциальной формуле, общественная организация имеет централизующее волевое, силовое начало. Вместе с тем, это силовое начало (властный центр) по причине несовпадения общественных интересов устанавливается только в непримиримой борьбе и всегда имеет ограниченный ресурс (потенциал) регулирующего, подчиняющего воздействия на общность. Следовательно, сфера управления изначально и всегда остается предметом бескомпромиссной борьбы – борьбы за власть, за господство над общностью. Силовые структуры – это средство в руках власти, определенных социальных сил. Если власть ведет антиобщностную политику, то силовые структуры просто распадаются, ибо они не могут быть средством разрушения общности по определению. Если власть слабая, то силовые структуры морально разлагаются, ибо, как люди, они играют по существующим правилам, а если это правила растаскивания национальной собственности, то они активно в этом участвуют, пользуясь своим преимуществом – владением информацией.

2. Главной функцией управления, ради которой общность, как объект управления, терпит насилие со стороны власти, как субъекта управления, является обеспечение возможности выживания общности в окружении других общностей и превращение их жизнедеятельности в средство ее собственного существования. При этом в лидирующих общностях власть ответственна за общество и перед обществом (перед большей частью населения), а в отстающих общностях власть ответственна за себя и перед собой (перед меньшей частью населения).

Поскольку борьба за власть в конечном счете представляет собой общественно выраженную, организованную борьбу за выживание, принципиально незавершимую в силу действия техносоциальной формулы, постольку существование власти всегда будут сопровождаться наличием оппозиции, двойственной по своей социальной природе. Одно ее направление отождествляет себя с подчиненной массой населения (людьми – средствами), провозглашает защиту ее интересов и декларирует уничтожение самого отношения «цель – средство». Данное направление традиционно обозначается как левое. Другое направление, соответственно – правое, является составной частью господствующего населения («людей – целей»), имеющей иные интересы в общих рамках господства, конкурирующей с его властью

имущей частью и борющейся с ней за более приемлемые для себя условия своего привилегированного положения.

В лидирующих общностях современного мира оппозиция не делится на левую и правую в той мере, в какой там отсутствует внутреннее разделение населения на цель и средство. Функцию последнего выполняют другие общности, т.е. отношение «цель – средство» вынесено вовне (или привносится извне в виде иностранной рабочей силы). В отстающих или изолированных общностях оппозиция вообще нетипична по причине их глубокого социального раскола и авторитарности власти, в силу чего левое движение имеет характер стихийных бунтов, а правая оппозиция реализуется в виде заговоров, и смена власти происходит по сценарию дворцовых переворотов. XX век продемонстрировал варианты левого и правого тоталитаризма, когда идеологическое единство общества оказывается настолько сильным, что не только политическая оппозиция, но даже идеологическое инакомыслие переводится в ранг уголовной преступности и подлежит абсолютному уничтожению.

В принципе по такой же схеме разделяются власть и оппозиция в системе межобщностного социального взаимодействия. Там есть доминирующие общности, наиболее полно реализующие свое лидерство (власть), есть лидирующие общности, претендующие на передел мировой власти (правая оппозиция), и есть подчиненные общности, объективно заинтересованные в обретении самостоятельности (левая оппозиция). По мере расширения глобализации и в силу неравномерности материально-технического развития мировое сообщество будет все более стремиться к образованию данной трехэлементной социальной структуры при одновременной тенденции к перераспределению ролей в системе отношений «цель – средство».

Таким образом, главное в понимании управления состоит не в вопросе о признании или отрицании борьбы как сущностной характеристики управления, а в вопросе о характере этой борьбы, т.е. о соотношении, соподчиненности ее внутриобщностных и межобщностных отношений.